

УДК 101.1:316
ББК 87.6

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ СМЫСЛ ПОНЯТИЯ «СОЦИАЛЬНОЕ»

С.Б. Токарева

В статье проанализированы различные концептуальные значения понятия «социальное». Показано, что точки зрения на развитие социального в исторической ретроспективе и перспективе зависят от исходной гипотезы социального и ее дальнейшей концептуализации в рамках конкретной теории.

Ключевые слова: социальное, социализация и десоциализация, социальные отношения и институты, метафизика социального.

Термины «социальное» и «социальность» привычно воспринимаются как полноценные социологические понятия, которые подразумевают некоторое позитивное содержание и относятся к реальному референту. Однако в последнее время формула «социология существует лишь благодаря позитивному и безоговорочному допущению социального» стала оспариваться [1, с. 9]. Развитие социальных наук в XX в. показало неопределенность онтологического статуса социальности.

До последнего времени все изменения концептуального смысла понятия «социальное» оставались в пределах классического толкования социальности как совокупности надындивидуальных структур, которые являются внешними для индивидов и противопостоят им в форме коллективных образований, в которых сфокусированы центры притяжения человеческих взаимодействий. Поэтому несмотря на то, что «социальное» является крайне абстрактным понятием, соотносимым по объему с содержательной и функциональной нагруженностью таких терминов, как «история» и «культура», долгое время господствовало представление о том, что его значение и смысл вполне очевидны: сфера социального включает широкий спектр социальных практик, социальных сил и влияний, социальных отношений и действий, взаимодействий соци-

альных институтов, групп и сообществ и т. п.; социальное пронизано коллективными формами деятельности и общения; социальность выражается в способности человека выполнять разнообразные социальные функции в составе различных групп, играть определенные общественные роли, подчиняться требованиям общественного мнения, нормам морали и принципам законности.

Социальность может анализироваться в двух основных аспектах: с одной стороны, как проблема абстрактно взятой сущности социального, где социальность берется как таковая, через выявление ее субстанциальных свойств; с другой – как проблема реального возникновения и воспроизводства социальных явлений, когда общество выступает как реальная среда и особая организационная форма социальных действий. Когда мы берем во внимание социальность человека – неважно, рассматривается ли он как гражданин, или участник производственного процесса и субъект общественных отношений, или как обладатель определенной профессии или социального статуса – мы в любом случае подразумеваем, что человек выступает не в роли уникальной личности, а как выразитель интересов данной общности и в этом смысле как часть социума. Мы предполагаем, таким образом, его детерминацию внешними социальными механизмами и способность разрешать возникающие противоречия в пользу целого (коллектива). Социальная теория как раз призвана объяснить взаимообусловлен-

ность индивидуального бытия людей и надындивидуальных (институциональных) структур, проявляющуюся в присущем людям коллективном образе жизни.

Получившая развитие в различных институциональных теориях, метафизика социального рассматривает различные формы коллективности в качестве особых интегративных субъектов, действующих в соответствии с собственными потребностями и целями, отличными от потребностей и целей входящих в них людей. Согласно этому подходу, именно социальные институты и организации как устойчивые структуры всевозможных форм коллективной жизни определяют самобытность конкретного социума. Социальное понимается как некоторая предметная действительность, сущностные характеристики которой позволяют характеризовать его объективно, «само по себе». Отсюда следует, что сущность общества можно объяснить действием некоей субстанции, обуславливающей характер всех социальных структур объективно, независимо от деятельности людей. Таким образом, в социальности подразумевается некоторое ядро, теоретически выявляемое через редуцирование ее к базовым структурам и детерминируемым ими законам общественного развития.

Наиболее развитый вариант метафизики социального был разработан в марксизме. В противовес натуралистическим концепциям социального, К. Маркс не рассматривает социальные объекты в качестве последнего слоя реальности, но полагает их порождением человеческой деятельности и ее объективациями. Поэтому именно человеческая активность, представленная в практике и общении, оказывается подлинной субстанцией социального. Все объекты, попавшие в орбиту социальных связей, приобретают общественную значимость, которая становится их идеальным (сверхчувственным) качеством. Именно сеть таких качеств и лежащих в их основе отношений образует то, что мы называем социальной реальностью. Таким образом, социальная реальность выступает как континуум предметов особого рода, которые в системе общественных отношений перестали быть тем, чем являлись сами по себе, предметов, изменивших свою «естественную» природу на

социальную, благодаря чему они стали воплощать силу, власть, господство и т. п. Это системное социальное целое функционирует посредством общественного сознания – особого, объективного измерения сознания, не являющегося порождением внутреннего субъективного мира отдельной личности, но являющегося функцией и продуктом самой социальной системы, которая и представляет (репрезентирует) социальные объекты индивидуальному сознанию определенным образом, часто искажая их реальное значение и содержание.

Однако развитие социальных наук свидетельствует, что социальные теории вполне могут обходиться без признания за общественной реальностью субстанциального статуса и оперировать понятием социального, в содержании которого не предполагается собственной «бытийности». Человеческое поведение в этом случае объясняется особенностями личностных качеств действующих индивидов или другими факторами, позволяющими им принимать независимые социально значимые решения (как, например, в «сетевой» теории Рональда Берта).

В принципе, подобная методологическая позиция не препятствует признанию существования в обществе устойчивых форм коллективности, однако ее сторонники усматривают в этих последних не «сущности», а формы и механизмы взаимного обмена действиями. Эти надындивидуальные структуры, или «паттерны социальной среды», складывающиеся независимо от желания и стремлений действующих субъектов, признаются непрямыми и непреднамеренными следствиями человеческих действий. Источниками генезиса и развития этих структур полагаются индивидуальные действия людей как субъектов общественной жизни. Реальными субъектами действия признаются только индивиды, а потому отрицается правомерность рассмотрения социальных институтов в качестве самодействующих субъектов, наделенных реальной волей или мышлением. Любые коллективные реалии рассматриваются как способы организации индивидуальных действий, а потому в понятиях, обозначающих социальные институты, видят всего лишь абстрактные модели и удобные конструкции познающего сознания,

предназначенные для истолкования фактов индивидуального опыта, которым, однако, ничего не соответствует за пределами теории, в действительном наличном бытии. Этой позиции придерживался, в частности, Макс Вебер, который считал возможным использовать такие понятия, как «коллективная воля», «коллективное мышление» только в метафорическом и метафизическом смысле.

В XX в. в социальных науках была зафиксирована кардинальная историческая трансформация базовых форм социальности, для описания которых привычные понятия «социальное отношение», «социальный институт», «класс» и т. п. обнаружили свою ограниченность. К этому выводу пришли представители самых разных направлений – социальной феноменологии, теории коммуникативного действия, интеракционизма, постмодернизма и т. д. Анализ ими изменений, произошедших в общественной жизни, показал, что реально актуализируется и становится определяющей не объективная предметность социума как общественной системы, функционирующей на основе системы разделения труда, а его знаковая коммуникация. Социальное обнаруживает себя в непосредственном процессе коммуникации, в межличностных отношениях, которые выстраиваются между людьми в их повседневной социальной практике. «Социальная реальность» здесь выступает в форме речевой практики, элементы которой функционируют как автономные и определяющие все другие стороны общественной жизни.

Наиболее радикальная критика трактовки социального и социальности как метафизических понятий была дана Жаном Бодрийяром, который называет термины «социальное отношение», «социальный институт», «социальное», «социокультурное» и т. п. «смутными представлениями», а приверженность к ним социальных наук объясняет стремлением сохранить устойчивость и с этой целью ограждать определенный код, зашифрованный в этих понятиях, от анализа [1, с. 9].

На волне критики институциональных концепций социальности стали появляться новые ее модели. Произошел радикальный переворот во взглядах на социальное: вместо того, чтобы видеть в социальности структу-

ры, функционирующие на основе общественного договора или права, социальное стали усматривать в контактах и взаимодействиях (интеракциях). В результате социальность стала осознаваться как своего рода сеть и поле смыслового взаимодействия субъектов, для каждого из которых в радиусе этого взаимодействия можно выделить ближнее и дальнее окружение. Социальный мир предстал в новой парадигме как структурированный мир intersubъективных значений, переживаемых людьми в их повседневной жизни и выступающих в форме типизированных представлений об объектах и событиях. Подобные типизации образуют схемы обыденных интерпретаций, принимаемые как само собой разумеющиеся средства ориентации человека в жизненном мире. Поэтому правомерно считать, что социальный мир конституируется человеком в повседневной жизни в терминах социальных значений.

Феноменологически социальное не существует, а *значит*. Поэтому оно не может рассматриваться как нечто объективное (вообще феноменология требует «воздержаться» от веры в объективную реальность социальных объектов). Социальное как продукт человеческой деятельности не сводится к его «бытию», поскольку человек обретает смысл «социального» в любых мыслимых формах человеческого опыта, для которого идеальные составляющие – мотив, намерение, проект – не менее реальны, чем любые другие сущности.

Таким образом, в теории происходят существенные изменения: новая онтологическая схема социальности уже не предполагает выделение составляющих ее «объективных предметностей» или «структурных уровней». Уходит в прошлое и проблема онтологического статуса наблюдаемых (то есть данных в непосредственном социальном опыте) объектов. Вместо поиска изначального смысла социальности исследование направлено на анализ объектов, конституированных социальной теорией. Новая стратегия познания социальной реальности усматривает всеобщее не в формах объективности, а в общезначимом начале человеческого сознания и intersubъективности, что с самого начала придает этой методологии сугубо «человекообразный» характер.

Еще более существенно изменяется трактовка социального субъекта. Наибольшей радикальностью в отношении субъекта отличается структуралистская теория Мишеля Фуко, которую он сам называет «бессубъектной методологией»: она не исходит из субъекта опыта, не соотносит с ним эмпирическое содержание; напротив, ставится задача показать, как *вне* опыта субъекта организовываются история и культура. Такой подход утверждает полную зависимость человека от структур, во власти которых он находится и, не оставляя места «иллюзиям философии классического периода» о человеке как свободном, деятельном существе, приводит к полной дегуманизации социального познания. Получается парадоксальная картина: остаться на почве «научности», оказывается, можно лишь в случае отказа от рассмотрения действующего человека и живой истории, сосредоточившись только на анализе структур языка, труда и жизни как трансцендентных по отношению к человеку и господствующих над ним. Полагать же человека свободным субъектом живой истории означает в рамках этой позиции «оставаться в плену философских мистификаций». Структуралисты утверждают, что и на социологическом, и на психологическом уровне человек всецело подчинен безличным бессознательным структурам, а потому он должен быть «вынесен за скобки» и сам представлен в теории как система абстрактных связей и отношений, как структура, *конфигурация*. В этом качестве человек занимает подчиненное и второстепенное положение в социальной системе по сравнению с доминирующими в ней связями и отношениями. Признавая «множество людей», структурализм отрицает человека и как субъекта истории, и как эмоционально-социальное существо.

Анализ и сравнение различных концептуальных значений понятия «социальное» и описание его концептосферы позволяют по-новому увидеть проблему динамики социального. Что является источником социальности? Каков механизм ее формирования? Происходит ли в современном обществе нарастание социального или его распад? Свойственны ли современному миру социализация или, напротив, десоциализация?

Точки зрения на развитие социального в исторической ретроспективе и перспективе

зависят от исходной гипотезы социального и ее дальнейшей концептуализации в рамках конкретной теории. Например, различные эволюционные теории социальности пытаются решить эту проблему через выявление исходных форм (праформ) социального. Среди них можно выделить биологизаторские концепции (социобиология, этология) и психологические.

Социобиология неправомерно расширяет понятие социального, сводя его к коллективности как таковой, к предрасположенности и способности к совместному существованию. В результате наряду с социальностью как специфически человеческим свойством утверждается существование инстинктивной, или «зоологической», социальности (стадности), в основе которой лежит наследственный принцип «взаимной выгоды». Этой примитивной форме противопоставляется *цивилизованная* социальность, по мере развития которой в обществе все более усиливаются проявления ответственности перед отдельными членами, возникают различные формы «социальной страховки». Развитие в дальнейшем таких социальных явлений, как взаимовыручка, бескорыстная (гуманитарная) помощь, способствует преобразованию цивилизованной социальности в *гуманную* социальность. Лежащие в ее основе формы помогающего поведения преследуют уже не цели благополучия социального целого (государства, региона и т. п.), а осуществляются исключительно из чувства сострадания, или эмпатии. Социальность перерастает в гуманность, человечность как нечто предельно личное и интимное и в этом смысле внесоциальное (духовное).

Близкая позиция представлена в этологии, в рамках которой социальность также рассматривается предельно широко – как имманентное свойство живого, присутствующее на всех уровнях его организации. Утверждается, будто несоциальной жизни вообще не существует, и любая популяция (начиная с популяции клеток) уже есть социальная система. Однако ясно, что такие примитивные аналогии между человеческим сообществом и любыми формами жизни вообще неприемлемы, ибо не учитывают символической природы человека, его разумности и т. д.

В психологических теориях важнейшим проявлением социальности полагается соци-

ально ответственное (просоциальное) поведение. Просоциальное поведение является общественным по своему характеру и представляет собой модель (стратегию) поведения в отношении другого человека, противоположную по смыслу и способам своей реализации асоциальному поведению [2, с. 60]. Оно включает в себя действия, приносящие пользу другим людям, а также способы реагирования на людей, которые проявляют симпатию, сотрудничество, помощь, содействие, альтруизм. Поскольку у помогающего всегда есть выбор, оказывать помощь или нет, просоциальное поведение носит инициативный характер.

В российской психологической литературе просоциальное поведение определяется как совокупность действий, направленных на благо общества и предпринимаемых организацией или отдельным человеком бескорыстно, без расчетов на награду. Естественно, что понимание того, что является благом для общества, зависит от системы ценностей.

Психологические теории, опирающиеся на индивидуалистический подход, связывают готовность к помогающему поведению с индивидуальными установками и настроением человека. С точки зрения межличностного подхода помогающее поведение объясняется в контексте теории социального обмена и взаимозависимости. Согласно теории социального обмена, помощь другим является своеобразной инвестицией в будущий социальный обмен. Поэтому люди помогают только тогда, когда выгода от помощи превышает ее издержки. Типичным примером поведения, в основе которого лежит теория обмена, является кооперативное поведение – стремление действовать солидарно в целях извлечения взаимной пользы. Помогая другим, люди рассчитывают на социальное одобрение и повышенное ощущение собственной ценности, и это тоже является вознаграждением. По сути, взаимозависимые индивиды трансформируют меновые отношения, основанные на эгоистическом принципе «Ты – мне, я – тебе», в отношения просоциальные. Однако при близких межличностных отношениях (связанных с непосредственным окружением) особое значение приобретают чувства солидарности, межличностной гармонии, сплоченности. В этом смысле близкие взаимоотношения противо-

стоят меновым и являются просоциальными, поскольку принимают в расчет благополучие другого.

Важную роль в развитии просоциального поведения играет феномен сочувствия. Доказано, что сочувственное участие как особенность личности является постоянной основой просоциальной мотивации.

Социологические и социально-философские теории большее внимание уделяют оценке динамики социального и вопросу о перспективах его развития. Решение этих проблем определяется принимаемой за основу гипотезой социального. Ж. Бодрийяр выделяет несколько таких гипотез [1, с. 78–80].

Первая гипотеза заключается в признании социального неотъемлемой сущностью подлинно человеческого мира. Отсюда следует, что социальное является предпосылкой существования человека (К. Поппер, в частности, полагал, что человеческий предок стал сначала социальным, а затем уже человеческим существом). Одновременно социальное выступает инстанцией, имеющей тенденцию к расширению, в идеале – к превращению общества в глобальную социальность. Любопытно, что Бодрийяр связывает рождение таким образом понятой социальности с конкретным событием – открытием в Париже в 1544 г. приюта для бедных, который взял на себя заботу о бродягах и сумасшедших, то есть тех членах общества, которые оказались за пределами социально опекаемого пространства [1, с. 81]. С этого момента начинается, по его мнению, экспансия социального, стремление социализировать абсолютно все (и по-является иллюзия, что такое возможно). Социальное начинает отражаться в институциональности, в действиях законодательной и исполнительной власти, а уровень социализации измеряется степенью развитости институциональных связей.

Воспроизводя социальное в форме отношений, связей, институций, органов управления и опеки и т. п., общество ожидает, что все маргинальное, дезинтегрированное, асоциальное, девиантное, социально-патологическое рано или поздно будет захвачено социальностью, вовлечено в ее орбиту и преобразовано в соответствии с ее нормами. Максимально полная социализация в этом случае расцени-

вается как желанная полнота социальных гарантий, обеспечивающих индивиду надежную опеку со стороны социальных инстанций. Прогресс социального, выраженного в образовании, труде, медицине, страховании и т. д., приветствуется, все хотят воспользоваться его цивилизационными плодами и благами. Социальность манифестирует себя через идею «ответственности общества перед своими членами», а социальное «образует некую зону безопасности, где можно укрыться от всех трудностей и обрести беззаботное существование». Кажется, что окончательная победа социального – лишь вопрос времени.

Однако, предупреждает Бодрийяр, подобная беззаботность в обществе, полном жизненных рисков, иллюзорна и небезопасна, поскольку снижает уровень социальной энергии и, по сути, влечет за собой энтропию социального, его деградацию.

Вторая гипотеза связана с идеей, что социальное возникает на определенном этапе исторического развития, затем какое-то время развивается по восходящей, охватывая все новые области человеческой жизнедеятельности, после чего, достигнув максимального распространения, начинает вырождаться, деградировать. Первоначально социализация, выйдя из сферы религиозного и церковного, была связана с политикой, и социальное выражалось в форме политического (прежде всего государственного). Пик этого союза пришелся на эпоху буржуазных революций, и с этого времени социальное начинает активно проникать в сферу экономики и распределительных отношений. За социальным признается и закрепляется, прежде всего, уравнивающая функция. Однако вера социалистов в то, что будущее человечества связано в превращением социального в «оптимальное коллективное управление потребительной стоимостью людей и вещей», что добытое в борьбе всеобщее право пользования богатством ведет к «обществу изобилия», обернулась разочарованием.

Именно стремление реализовать уравнивающую функцию в максимальной степени оборачивается против социальности. «Социальное, по всей видимости, в состоянии существовать лишь очень короткое время: в узком промежутке между эпохой символичес-

ких формаций и возникновением нашего “общества”, где оно уже не живет, а только угасает. Раньше – его еще нет, позже – его нет уже» [1, с. 75].

Третья гипотеза связана с отрицанием социального как такового. Согласно этой точке зрения, социальное никогда не существовало как реально функционирующая система общественных отношений и на деле всегда являлось только симулякрот – некоторым подобием, подделкой и симуляцией того, что воспринималось теоретическим сознанием представителей социальных наук как «сущностное» и «реальное». Для социальной науки эти знаки социального подменяли реальность, только они и имели значение, само же «социальное» было полностью лишено собственных импульсов существования и развития. По сути, эти знаки как означающее никогда не соотносились с какой-либо фактичностью, но ясно это стало только при переходе к постиндустриальному обществу с его коммуникативно-знаковой информационностью, для которого характерно угасание и вырождение самого социального симулякра.

При любом теоретическом сценарии необходимо учитывать присутствующее в обществе сопротивление и противодействие социальному, ведущее в крайних формах к десоциализации, деструкции социального. Стратегии сопротивления могут быть традиционными, исходящими от организованных социальных групп, использующих приемы искажения, подмены и выхолащивания смысла социальных практик с целью использования их не для блага общества, а для достижения узких групповых целей. Однако наибольшую угрозу для социальности представляет превращение социальных сфер – науки, медицины, управления – в сферу неконтролируемого потребления. Это окончательно лишает их социального характера и является лучшим средством для их уничтожения.

В том, что мы не замечаем деградации социального, представители постмодернизма обвиняют социальные науки, которые, по их мнению, никогда не откажутся от этого понятия: «...“Социология”, кажется, будет доказывать его вечность и после его смерти – в пустых разговорах представителей социальных

наук ему уготована жизнь и после того, как оно исчезнет» [1, с. 75]. Представляется, однако, что социальная теория должна не отказываться от понятий «социальное» и «социальность», а двигаться в направлении теоретического анализа их концептосферы, без чего невозможно понимание и объяснение фундаментальных проблем общественного развития.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бодрийяр, Ж. В тени молчаливого большинства, или Конец социального / Ж. Бодрийяр. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2000. – 103 с.
2. Кухтова, Н. В. Феномен просоциального поведения в психологической науке (некоторые подходы в изучении просоциального поведения) / Н. В. Кухтова // Белорусский психологический журнал. – 2004. – № 1. – С. 60–65.

CONCEPTUAL SENSE OF THE NOTION «SOCIAL»

S.B. Tokareva

The article analyses different conceptual meanings of the notion «social». The author has demonstrated that viewpoints on social development within historical retrospective and perspective depend on the original social hypothesis and its further conceptualization in the frameworks of a specific theory.

Key words: *social, socialisation and desocialisation, social relations and institutions, metaphysics of the social.*